

Сделано в Европе: взгляд российских исследователей

В ДВУХ ТОМАХ

Том 1

Сборник статей
под редакцией Елены Белокуровой
и Марии Ноженко

НОРМА

Санкт-Петербург
2014

УДК316
ББК60/63
С27

*Издание осуществлено при поддержке Европейского Союза
Грант Европейской Комиссии 2010/253-710,
проект Support to the Establishment of the EU Centre in North West Russia.*

Рецензенты:

Гельман В.Я., кандидат политических наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Титков А.С., кандидат географических наук (Государственный университет – Высшая школа экономики)

Сделано в Европе: взгляд российских исследователей /Сб. С27 статей под ред. Е. Белокуровой и М. Ноженко: в 2 т. – СПб.: Норма, 2014.

Т. 1: Политика. Общество. Технологии – СПб.: Норма, 2014. – 224 с.

ISBN 978-5-87857-238-5 (Т.1)

Сборник представляет собой один из результатов проекта Центра европейских исследований – Центра Европейского Союза Европейского университета в Санкт-Петербурге, который был реализован в 2010–2014 гг. при поддержке Представительства Европейского Союза в России. Некоторые из статей, входящих в сборник, сосредоточены исключительно на анализе европейского опыта. Другие, напротив, содержат сравнение европейского опыта с российским. В большинстве статей представлены примеры взаимопроникновения, проявления российского в европейском и европейского в российском. Эти работы показывают, что интересно в сегодняшней Европе молодым российским исследователям, что им кажется релевантным для понимания сегодняшней России, а что, возможно, они могут понять в Европе лучше своих европейских коллег. Сборник представляет собой определенный срез того, как видят российские исследователи современную Европу, и будет интересен не только профессионалам, но и широкому кругу читателей.

Художник А. Ходот

ББК60/63

Данный материал опубликован при поддержке Европейского Союза. Содержание публикации является предметом ответственности авторов и не отражает точку зрения Европейского Союза.

ISBN 978-5-87857-238-5

© Белокурова Е., Ноженко М., 2014
© Ходот А., обложка, 2014
© Норма, оформление, 2014

Оглавление

Введение.....	4
ТОМ 1. ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ	
ЧАСТЬ 1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА.....	11
<i>Ольга Литвяк.</i> Членство в политических группах как способ усиления позиций национальных партий и депутатов в Европейском парламенте	12
<i>Иван Григорьев.</i> Стратегическое поведение в Суде Европейского Союза: Лонгитюдное исследование юриспруденции суда по статье 36 Римского договора.....	48
<i>Маргарита Завадская.</i> Электоральный авторитаризм в Европе: расширение Европейского Союза и стратегии инкубентов на выборах.....	63
ЧАСТЬ 2. ОБЩЕСТВО.....	95
<i>Андрей Возьянов.</i> Контроль, доверие и пассажирское знание: трансформации оплаты проезда в городском транспорте Европы и постсоветских стран	96
<i>Светлана Ерпылева.</i> Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических обществах	127
<i>Наталья Савельева.</i> Прямые продажи в Европе и в России: особенности индустрии и истории развития	145
ЧАСТЬ 3. ТЕХНОЛОГИИ.....	171
<i>Елена Кочеткова.</i> Технологии в движении: Технологический трансфер в советскую лесную отрасль из Финляндии в 1950–1960-е гг.....	172
<i>Анна Черныш.</i> Политика привлечения российских технологических компаний в Финляндию: причины возникновения и значение для финской экономики.....	195

Стратегическое поведение в Суде Европейского Союза: лонгитюдное исследование юриспруденции суда по статье 36 Римского договора

А. Гамильтон, написавший в 1788 г., что по сравнению с двумя другими ветвями «судебная власть из-за существа своих функций всегда менее всего опасна для политических прав, определенных конституцией, ибо у этой власти самые малые возможности для их нарушения и ущемления» и что по этой причине «она никогда не сможет успешно напасть на любую из остальных двух» (Гамильтон, Мэдисон, Джей 2000: 503), надолго задал паттерн восприятия роли судов в общественных науках. Что суды в действительности обладают значительной независимой властью, а не просто вершат правосудие (понимаемое ли нормативно, если разделение властей соблюдается строго, или в противном случае как производное от воли элит), политология открыла для себя только к середине 1960-х гг. Тогда американские исследователи обратили внимание на то особое влияние, которое оказывает на американскую политику Верховный суд, и стали изучать политическую подоплеку выносимых им решений, мотивации судей и паттерны их голосования (см., например, Shapiro 1964). Ставший здесь первопроходцем М. Шапиро, по выражению современного обозревателя, сделал суды «неотъемлемой частью системы правления и политики в целом <...> лишенной смысла вне политического контекста и, следовательно, в первую очередь являющейся политическим феноменом» (Gillman 2004: 366).

В том же году, когда М. Шапиро «реабилитировал» суды, призвав политологов уделять им больше внимания, У. Мёрфи выдвинул идею о том, что суды не просто существуют в определенном политическом контексте и не просто выносят решения, имеющие

определенные политические последствия, но и стремятся обеспечить наступление именно этих последствий, руководствуясь политической логикой, то есть учитывают позиции и поведение других игроков и рационально выбирают оптимальную стратегию поведения (Murphy 1964). Может показаться, что М. Шапиро и У. Мёрфи говорят примерно об одном и том же. И действительно, концепция У. Мёрфи в целом не противоречит утверждению М. Шапиро. Однако она уточняет и усиливает его: в ней говорится не только о результате деятельности суда, но и о том, как эта деятельность протекает, о поведении судей. К идее М. Шапиро о том, что судьи не изолированы от мира политики, У. Мёрфи добавил уточнение о том, что судья не просто поступает «по совести», но думает при этом, как ситуационно и исходя из данного контекста заставить это «по совести» наступить с наибольшей вероятностью, и таким образом максимизирует собственную выгоду, которая состоит в реализации предпочтительной для него политики. Этот эффект максимизации проявляется в долгосрочной перспективе, когда становится видно, что весьма устойчивые по своей природе правовые нормы складываются из краткосрочного стратегического расчета (Knight, Epstein 1997: xiii).

Чтобы уловить и измерить вклад такого стратегического расчета, в американской политологии, вполне в духе позитивной политической теории, принято изучать поведение отдельных судей. Ориентация на судью, а не на суд в целом позволяет использовать методологический индивидуализм, лежащий в основе теории рационального выбора. В то же время выбор в пользу такого довольно естественного решения связан с тем, что американские судьи голосуют открыто, и о каждом постановлении можно сказать, кто из девяти членов Верховного суда голосовал за, а кто — против. Что информация о голосовании представляет собой интересный объект анализа, исследователи понимали и до У. Мёрфи, когда по записям голосований отдельных судей пытались определить их идеологию (Schubert 1958). Но после У. Мёрфи в этот анализ были включены еще и данные о том, каким образом судьи склоняются к тому или иному решению, получаемые из их личных записей и рабочих документов их кабинетов. Соответственно, анализ оказался более трудоемким, но только таким образом стало возможно

провести различие между решением суда, просто агрегирующим искренние идеологические предпочтения отдельных судей, и решением, просчитанным и вынесенным судьями стратегически.

Помимо явно высокой трудоемкости такого метода, он обладает и более фундаментальным ограничением, не позволяющим использовать его повсеместно. Речь идет о том, что во многих конституционных судах мира судьи голосуют тайно и мы не знаем, кто из судей проголосовал за, а кто высказался против. Разумеется, в таких случаях канцелярией суда не ведется никаких записей, фиксирующих смену судьей позиции или его/ее мотивации при принятии решения (а если и ведется, то такие записи недоступны публично). Суд в целом представляет собой черный ящик, в который с одной стороны входят обстоятельства дела, а с другой выходят готовые решения. Ни судьи, ни их поведение здесь не различимы.

О таких судах, как правило, принято предполагать, что некоторое решение было вынесено ими с оглядкой на то обстоятельство, а другое — с оглядкой на это. Причем для того, чтобы делать вывод о том, имеет ли место стратегический расчет, материала явно недостаточно, и поэтому о стратегическом расчете говорится скорее аксиоматично. Примером такого суда является Суд Европейского Союза, или Европейский суд, как его чаще называют. Вместе с американским Верховным судом эти два суда являются, по выражению А. Стоун-Суита, двумя наиболее изученными конституционными судами в мире (Stone Sweet 2004: 2). В то же время они представляют собой две совершенно разных методологии изучения судов: одна — более жесткая доказательно и одновременно трудоемкая, другая — более легкая и описательная, но и не настолько строгая.

Вопрос, который я ставлю в данной статье, состоит в том, можно ли предложить такую методологию, которая бы позволила если не облегчить тяжелую участь исследователей американского Верховного суда, то хотя бы показать более строго, имеет ли место в случае с Европейским судом стратегический расчет. В частности, этот вопрос будет формулироваться следующим образом: стремится ли Европейский суд формировать собственную политическую повестку дня, через выносимые им решения посылая сигналами

потенциальным истцам о том, какие иски и в каких областях он готов удовлетворять в будущем? Пытается ли Европейский суд поощрять потенциальных истцов более активно использовать механизм судебных исков для защиты собственных прав? И может ли он дать обществу «отбой», просигнализовав нежелание развивать юриспруденцию в каких-то определенных областях? В следующем параграфе я обращаюсь к теории, объясняющей, каким образом из более общей формулировки вопроса получается более частная.

Теория и гипотеза

Помимо множества организационных отличий, Европейский суд отличается от американского Верховного суда тем, что функционирует в значительно менее предсказуемой институциональной среде. Американская конституция недвусмысленно определяет Верховный суд как наивысшую судебную инстанцию, не просто стоящую во главе судебной власти, но и обладающую последним словом в оценке конституционности статутов Конгресса, которые может объявлять недействительными. Это делает положение Верховного суда намного более стабильным по сравнению с Европейским судом, статус которого определяется международным договором, который сами судьи упорно пытаются выдавать за своего рода конституцию (Weiler 1999).

Впрочем, если Римский договор и является конституцией, то очень слабой. Так, в нем эксплицитно не прописано ни положения о верховенстве норм европейского права над нормами национальных конституций и законодательств, ни об их прямом действии (то есть о том, что нормы права Европейского Союза действуют непосредственно, без какой бы то ни было специальной процедуры их инкорпорирования в национальное законодательство). Эти два параметра являются своеобразными тумблерами, определяющими среди прочего и роль, отводимую судебному органу в данном правовом режиме. В ситуации неопределенности Суду пришлось самостоятельно определять статус правового режима Европейского Союза, выводя из текста Римского договора содержащееся в нем как бы имплицитно правильное понимание того, обладают ли положения Римского договора прямым действием и

имеет ли европейское право превосходство над национальными правами (ответы на эти вопросы Суд дал вскоре после вступления в силу Римского договора решениями по делам *Van Gend en Loos* и *Costa v. Enel* в 1963 и 1964 гг. соответственно).

Тогда, в 1963 и 1964 гг., Суд ответил на эти вопросы утвердительно, и впоследствии придерживался аналогичного подхода во всякой подобной ситуации, как правило отдавая приоритет наднациональному праву перед национальным. Причем из-за расплывчатости формулировок Римского договора в серую зону, где за Европейским Союзом закреплялись неопределенные компетенции, попало довольно много технических вопросов, высказываясь по которым Суд каждый раз определял, полагается ли Европейскому Союзу больше или меньше власти.

Со временем в научных кругах, наблюдавших, как упорно судьи защищают единую Европу от происков правительств, не желающих ради общего дела делиться национальным суверенитетом, сформировалось мнение о том, что Европейский суд является чуть ли не самым важным проводником в жизнь идеи европейской интеграции, ее опорой в трудную минуту (вероятно, первым рассказал эту историю Е. Штейн (Stein 1981)), а наиболее полным изложением является работа А. Стоун-Сюита (Stone Sweet 2004).

На вопрос о том, почему Европейский суд так систематично выносит решения в пользу углубления интеграции, может быть два ответа.

Более популярный (и к тому же получивший различные эмпирические подтверждения в литературе, изучающей биографии и процедуру рекрутирования судей (Schepel, Wesseling 1997: 166; Alter 2009: 63–92) ответ состоит в том, что судьи просто являются еврооптимистами и борцами за европейскую идею. Судьи считают, что с подписанием Римского договора в 1957 г. Европа сделала шаг к созданию чего-то большего, чем просто международная организация (и действительно находят тому подтверждение в формулировках преамбулы договора, где в качестве цели было зафиксировано создание «все более тесного союза»). Поэтому они обычно трактуют его расплывчатые определения в пользу расширения компетенций наднационального уровня, следуя логике так называемого телеологического подхода, исходящего из того, что

правовые средства достижения заявленной цели должны быть адекватны этой цели. Корни данного подхода зачастую лежат в работах самих судей, которые, прежде чем оказаться в Суде, обычно делают академическую карьеру и потому любят высказываться по вопросам доктрины, не стесняясь при этом оценивать и собственный вклад в дело европейской интеграции (самыми значимыми здесь, безусловно, являются две увесистые книги, написанные в 1970-е гг. судьями Р. Лёкуром и П. Пескатором, рассказывающими, как люди в мантиях пишут историю новой Европы (Pescatore 1972; Lecourt 1976).

Очевидно, первая версия соответствует представлению о том, что судьи голосуют по убеждениям, а получающиеся из этого масштабные политические последствия — лишь случайный побочный продукт установления правосудия. Однако в случае с Европейским судом также напрашивается другой ответ, а именно то, что судьи заинтересованы в расширении полномочий Европейского Союза, потому что такое расширение непосредственно ведет и к увеличению их власти. Действительно, в отличие от их американских коллег, решение которых по какому-нибудь рядовому вопросу — например, вопросу об абортх — может повлечь на власть Верховного суда только опосредованно, члены Суда ЕС были бы вынуждены сначала определить, правомочен ли Суд рассматривать вопрос об абортх в принципе или же абортх лежат в компетенции национальных конституционных судов, и только потом переходить к рассмотрению дела по существу. Таким образом, помимо собственно вопроса о том, имеет ли женщина право на аборт — вопроса, отвечая на который судьи действительно ориентируются в первую очередь на свое понимание прав и свобод или на идеологию, — судьи также будут заинтересованы в том, чтобы расширить собственную компетенцию в данной области.

Таким образом, в отличие от понимания максимизации выгоды, которое применяется в отношении Верховного суда и состоит в том, что при планировании собственных действий судьи учитывают поведение других игроков, включая собственных коллег (см., например, Segal, Spaeth 1993), максимизация выгоды в Европейском суде — это в основном максимизация наднациональных компетенций в ущерб национальным и осуществляемая заодно

максимизация власти судей выносить вердикты в тех областях, куда по их воле пришло европейское право.

Как уже указывалось в начале статьи, понять, происходит такая максимизация на самом деле или нет, используя при этом «американский» способ (то есть анализ поведения отдельных судей), в случае Европейского суда невозможно. Поэтому я предлагаю другой способ, который состоит в том, чтобы проверить, существует ли у судей склонность своим поведением задавать потенциальным истцам стимулы более активно обращаться в Европейский суд и какими факторами эта склонность ограничена.

Такая постановка вопроса связана с тем, что, если мы предполагаем, что судьи стремятся проводить определенную политику, мы должны понимать, какими средствами они обладают. Одно из основных ограничений в деятельности любого суда состоит в том, что суд — это реактивный орган, не имеющий возможности высказаться, пока его об этом не спрашивают. Таким образом, судьи очень зависят от истцов.

Поэтому рациональным поведением, заметным на уровне показателей работы всего суда, было бы вынесение решений в пользу истцов в некоторых типичных (и обозначаемых как типичные) ситуациях, спорный характер которых обуславливается тем, что национальное право традиционно поощряет определенную модель поведения, а формирующееся европейское право как будто предполагает смену данной модели (или предоставляет для этого лазейку). Таким образом, Суд в действительности заинтересован в том, чтобы отвечать на первый поступающий с такой «спорной территории» иск созданием ясного паттерна, своеобразного прецедента, заметного для других потенциальных истцов, и тем самым расширять свою «клиентскую базу».

Чтобы увидеть, происходит ли создание таких паттернов на самом деле, необходимо выбрать определенную область правоотношений и отобрать все относящиеся к ней кейсы Суда, а затем проследить, наблюдается ли зависимость между количеством решений, вынесенных в пользу истцов за определенные периоды времени (например, за каждый год), и количеством поступивших впоследствии исков. В результате зависимой переменной в таком исследовании является количество однотипных исков, поступаю-

щих в Суд, а независимой — количество вынесенных Судом перед тем положительных решений в этой же области.

Моя гипотеза состоит в том, что в областях, которые представляются членам Суда интересными или перспективными, будет наблюдаться сильная корреляция одного с другим: Суд будет запускать своеобразные волны, когда со временем число кейсов в определенной отрасли будет нарастать, пока не наступит момент адаптации правовой системы стран-членов к продвигаемой Судом норме и волна не пойдет на спад. В следующем разделе я на примере одной области юриспруденции Европейского суда проверю эту гипотезу.

Европейский суд и свобода передвижения товаров

Европейский Союз является экономической организацией, основная цель которой — построить единый рынок в странах Европы. Очищенный от более высокопарных оборотов о политических целях сотрудничества, учредительный Римский договор представлял бы собой программу постепенного устранения различных барьеров на пути передвижения товаров, услуг, работников и капитала между странами западной Европы. Соответственно, четыре указанные свободы передвижения являются костяком европейского правового режима.

Из четырех свобод хронологически первой начала развиваться свобода передвижения товаров. Для ее обеспечения в Римском договоре отдельными статьями было прописано несколько запретов — таких, например, как запрет взимать таможенные пошлины с товаров, произведенных внутри Союза, и вводить аналогичные им по сути налоги, запрет на введение количественных ограничений на импорт или экспорт таких товаров, а также на введение любых других мер, ведущих к подобному ограничению.

В Договоре были прописаны стадии перехода к Таможенному союзу, согласно которым всякие барьеры на пути торговли между шестью странами-основательницами Европейских сообществ должны были быть устранены к 1970 г. В порыве энтузиазма план даже перевыполнили, и все случилось на полтора года раньше: таможи были демонтированы, количественные ограничения сняты, пошлины отменены. Однако немедленного взрыва торговой

активности не последовало, так как в действительности ограничение торговли с соседями и закрытие национального рынка было в послевоенной Европе довольно глубоко укорененной практикой, стабильность которой гарантировалась множеством разнообразных норм национального права, не устраненных к 1968 г. и продолжавших действовать в ущерб созданию Таможенного союза.

Прописать подробную программу действий, содержащую все шаги, которые необходимо было бы сделать для создания пространства без барьеров, — такую программу, которую правительствам оставалось бы просто выполнить, — было технически невозможно. Поэтому устранять существующие барьеры, как это планировали, оставалось *ad hoc*: барьер устранялся тогда, когда на него кто-нибудь наткнулся. Это поставило в центр процесса устранения барьеров Суд и его союзников — экспортеров и импортеров, товары которых по каким-то причинам задерживались на границах или не допускались к продаже национальными властями.

Таким образом, юриспруденция Европейского суда по проблеме устранения барьеров на пути свободного передвижения товаров стала очень удачным примером такой области, где роль Суда состояла в том, чтобы упорно отказывать странам-членам в праве на какой бы то ни было национальный правовой режим, заменяя прежние (устоявшиеся) нормы новыми наднациональными. Другой характеристикой, выгодно отличающей именно этот блок юриспруденции, является его обширность: Суду довелось слушать большое число кейсов, касающихся пересечения товарами внутриевропейских границ, и потому эмпирического материала тут действительно много.

Чтобы все отобранные кейсы были более или менее похожи по теме, имеет смысл несколько сузить отбор, ограничив его одной статьей Договора, одним запретом. В нашем случае это будет статья 36, где говорится об исключениях, которыми правительства могут теоретически оправдать проведение политики, препятствующей свободному передвижению товаров.

Меры осуществления такой политики называются мерами, оказывающими эффект, аналогичный количественным ограничениям. Такие меры бывают самыми разнообразными. Например,

Италия может ограничить импорт говядины из соседних стран введением правила, что всё импортируемое мясо должно проходить санитарный контроль при пересечении границы. Ограничительным эффектом обладает один из самых старых немецких законов, согласно которому пиво не может содержать никаких консервантов, так как пиво без консервантов невозможно транспортировать на сколько-то большие расстояния. По логике Римского договора все эти нормы должны быть устранены или исправлены таким образом, чтобы их исполнение не ограничивало право импортеров или экспортеров ввозить или вывозить любые товары, не встречая препятствий на своем пути. Разумеется, произойти это могло в исках, направленных против таких барьеров, только при сотрудничестве Суда, поддерживающего истцов, с одной стороны, и собственно истцов, помогающих такие нормы выискивать — с другой. Таким образом, применительно к данной области выдвинутая мной ранее гипотеза формулируется так: в первых же кейсах, относящихся к данной области, Суд должен был бы сформулировать принцип, который впоследствии стал бы неизменно поддерживать, вынося решения в пользу истцов, и таким образом поощрял бы всё новые иски. Соответственно, логика, лежащая в основе этой гипотезы, состоит в том, что импортер, сталкивающийся с препятствиями, будет оценивать свои издержки от того, чтобы попытаться приспособить товар к выдвигаемым требованиям, с одной стороны, и от того, чтобы приостановить импорт и обратиться в Суд. Вторая опция содержит потенциальную неопределенность — Суд может вынести решение в пользу ответчика, и тогда тяжба будет пустой тратой денег и времени. В этом случае Суд заинтересован в том, чтобы снижать эту неопределенность и таким образом «удешевлять» в глазах истца собственное участие. Вопрос состоит в том, происходило ли это в рассматриваемой мной области.

Первые решения, относящиеся к статье 36, были вынесены Судом в начале 1970-х гг. В классификации канцелярии Суда все эти решения собраны в подразделе «Меры, оказывающие эффект, аналогичный количественным ограничениям импорта или экспорта» (статья 36). Так как европейское право вообще и в особенности право внутреннего рынка изучены юристами чрезвычай-

но подробно, мы точно знаем, какие кейсы являются важными (подробный анализ представлен в третьей главе Stone Sweet 2004: 109–145).

Далее я привожу небольшой график, который показывает, сколько исков было подано по статье 36 за каждый год с 1971-го по 2004-й, и анализирую его против содержания важных кейсов и других релевантных событий.

На графике видно, что в 1970-е гг. истцы вели себя не слишком активно. Небольшой всплеск после 1974 г., скорее всего, связан с решением, вынесенным Судом по делу *Dassonville*, считающемуся первым большим кейсом в данной области. Не вдаваясь в подробности вынесенного решения, замечу, что основной его смысл был в том, что бремя обоснования необходимости в существовании каких бы то ни было правил, касающихся пересечения товарами границ, было возложено Судом на правительства (в то время как сами правительства считали ранее, что оно лежит на импортере). Снизив таким образом издержки от обращения в Суд, судьи сделали свои услуги доступнее для потенциальных истцов, и число поданных исков выросло. Возможная альтернативная интерпретация небольшого роста числа дел после 1974 г. состояла бы в том, что в 1972 г. произошло первое расширение ЕС и, следовательно, число потенциальных истцов выросло, однако эта версия не подтверждается, так как за 1970-е гг. из трех вступивших стран (Бри-

тании, Ирландии и Дании) поступил в Суд только один иск, поданный британцем в 1978 г.

Нечто важное явно случилось на рубеже 1970–1980-х гг. Если искать причину всплеска активности в юриспруденции Суда в этот период, то, вероятно, причиной является решение по делу *Cassis de Dijon*, вынесенное в 1979 г. Значение этого решения состоит в том, что в нем содержится подробная процедура (или «тест *Cassis*», как его называют юристы), позволяющая оценить, имеет ли страна право на частичное ограничение свободы передвижения товаров. Статья 36 предполагает, что для такого ограничения существуют некоторые оправдания – например, защита общественного порядка или здоровья потребителей. Тест *Cassis* вводит дополнительный фактор пропорциональности, который позволяет разграничивать условно неизбежные и минимально вредные для торговли национальные правила и правила, которые препятствуют свободе передвижения товаров непропорционально сильно (Alter, Meunier-Aitsahalia 1994).

Волна, вероятно запущенная решением по делу *Cassis de Dijon*, схлынула только после пикового 1993 г. Опять же этому может быть дано объяснение через юриспруденцию Суда, который вынес в 1993 г. третье знаменательное решение, относящееся к статье 36, в деле *Keck et Mithouard*. Кек и Митуар были предпринимателями, обвинявшимися французскими властями в демпинге, который во Франции не просто не приветствуется, но преследуется уголовно. Они организовали импорт товаров из Германии и продавали их по заниженным ценам с тем, чтобы со временем вытеснить местных торговцев с рынка. Соответственно, их аргументация в Суде состояла в том, что французский закон, запрещающий продажу товара по заниженной цене, ограничивает их свободу импортировать этот товар из Германии. Они довольно обоснованно рассчитывали выиграть дело, потому что было известно, что Суд, как правило, стоит на стороне истцов, когда речь идет о свободе передвижения товаров. Однако Суд вынес решение, где сформулировал тот принцип, что страны могут вводить определенные правила продажи (каковым, по идее, является также и запрет на демпинг), которые считают сообразными по тем или иным причинам, и таким образом послал сигнал, что теперь не всякий кейс, относящийся

к статье 36, будет решаться в пользу импортера (Poiares Maduro 1998). Так судьи восстановили неопределенность и вновь повысили издержки обращения в Суд с иском, после чего количество обращений стало сокращаться и в начале 2000-х гг. постепенно вернулось к тому уровню, какой наблюдался в конце 1970-х гг.

Причины, по которым Суд пошел на это, называются разные. К примеру, Р. Дехусс отмечает, что чрезмерная приветливость Суда обернулась в конечном счете тем, что истцы стали ожидать успеха даже в самых отчаянных случаях. В частности, в 1990 г. истцы из Ирландии отстаивали в Суде позицию, что запрет на их деятельность по организации путешествий для беременных ирландок в Великобританию, где им делали аборт — то, чего они не могли сделать на родине в связи с действующим в Ирландии запретом, — ограничивает декларируемую Римским договором свободу предоставления услуг (Dehousse 1998: 165). Большой приток кейсов значительно увеличил нагрузку на Суд, и теоретически судьи должны были стремиться несколько сократить ее за счет самых рискованных кейсов.

В то же время конец 1980-х — начало 1990-х гг. были периодом активной работы Европейской комиссии по устранению барьеров. В частности, в это время была запущена программа перехода к Единому рынку, содержащая конкретные меры, постепенная реализация которых привела к качественному прорыву в трансграничной торговле. Таким образом, значительную часть той работы, какую выполнял в 1980-е гг. Суд, с 1990-х взяла на себя Комиссия, что должно было изменить стимулы истцов, положение которых стало улучшаться централизованным образом и вне зависимости от их собственных усилий. Когда единый рынок заработал, поводов идти в Суд у импортеров стало меньше.

Заключение

В статье обоснована возможность количественно измерить то, насколько «рациональны» судьи Европейского суда. В частности, это возможно сделать при помощи таких показателей деятельности Суда, как число выносимых им решений, их содержание и загруженность Суда. В качестве примера я привел область, хорошо изученную в юридической литературе и по некоторым внешним

признакам демонстрирующую динамику, которую мы бы ожидали увидеть, если бы предложенная модель была верна. Я прокомментировал изменения показателей, через которые операционализируется склонность Суда поощрять истцов к более или менее активному использованию юридических каналов для достижения их целей, посредством очень краткого анализа некоторых ключевых кейсов.

Кроме того, я бы хотел отметить, что структура имеющихся у нас сведений о поведении Европейского суда такова, что предложенная программа исследования представляется оптимальной для изучения стратегии судей. Помимо свободы передвижения товаров, о которой шла речь в данной статье, существует еще целый ряд интересных блоков юриспруденции, содержащих достаточно обширный эмпирический материал, чтобы проводить на нем количественные исследования. К этим блокам юриспруденции относятся, в частности, свобода предоставления услуг и кейсы Суда о европейском гражданстве. Вероятно, в разных отраслях может наблюдаться различная динамика, сравнение которой позволило бы понять, какие дополнительные факторы влияют на поведение Суда и должны учитываться при проведении такого рода количественных исследований. Соответственно, это делает осмысленным включение в исследование различных блоков юриспруденции.

Литература

- Гамильтон А., Мэдисон Д., Джей Д. (2000): *Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея*. М.: Весь Мир.
- Alter K. (2009): Jurist Advocacy Movements in Europe: The Role of Euro-Law Associations in European Integration (1953–1975), in: *The European Court's Political Power: Selected Essay*. Oxford: Oxford University Press.
- Alter K., Meunier-Aitsahalia S. (1994): Judicial Politics in the European Community: European Integration and the Pathbreaking Cassis de Dijon Decision, in: *Comparative Political Studies* 26, no. 4 (January), pp. 535–561.
- Dehousse R. (1998): *The European Court of Justice: The Politics of Judicial Integration*. Houndmills: Palgrave Macmillan.

Gillman H. (2004): Martin Shapiro and the Movement from “Old” to “New” Institutional Studies in Public Law Scholarship, in: *Annual Review of Political Science* 7, no. 1 (June), pp. 363–382.

Knight J., Epstein L. (1997): *The Choices Justices Make*. Washington, D.C.: CQ Press.

Lecourt R. (1976): *L'Europe des Juges*. Bruxelles: Bruylant.

Murphy W. F. (1964): *Elements of Judicial Strategy*. Chicago: University of Chicago Press.

Pescatore P. (1972): *Le Droit de l'Intégration: Émergence d'un Phénomène Nouveau dans les Relations Internationales selon l'Expérience des Communautés Européennes*. Leiden: Sijthoff.

Poiars Maduro M. (1998): *We the Court: The European Court of Justice and the European Economic Constitution*. Oxford: Hart Publishing.

Schepel H., Wesseling R. (1997): The Legal Community: Judges, Lawyers, Officials and Clerks in the Writing of Europe, in: *European Law Journal* 3, no. 2, pp. 165–188.

Schubert G. A. (1958): The Study of Judicial Decision-Making as an Aspect of Political Behavior, in: *The American Political Science Review* 52, no. 4 (December), pp. 1007–1025.

Segal J. A., Spaeth H. S. (1993): *The Supreme Court and the Attitudinal Model*. New York: Cambridge University Press.

Shapiro M. M. (1964): *Law and Politics in the Supreme Court: New Approaches to Political Jurisprudence*. New York: Free Press of Glencoe.

Stein E. (1981): Lawyers, Judges, and the Making of a Transnational Constitution, in: *The American Journal of International Law* 75, no. 1, pp. 1–27.

Stone Sweet A. (2004): *The Judicial Construction of Europe*. Oxford: Oxford University Press.

Weiler J. (1999): The transformation of Europe, in: *The Constitution of Europe: “Do the New Clothes Have an Emperor?” and Other Essays on European Integration*. New York and London: Cambridge University Press, pp. 10–101.

Электоральный авторитаризм в Европе: расширение Европейского Союза и стратегии инкубентов на выборах

С начала «третьей волны демократизации» прошло более 20 лет, за эти годы можно было наблюдать разнонаправленные траектории политического развития и «адаптации» института выборов к внутренним политическим условиям. В любой стране, претендующей на право голоса в международном сообществе, проводятся выборы. Характер и специфика этого института могут выступать своего рода лакмусовой бумажкой для характеристики существующего политического режима. Так, по сей день есть политики, где выборы проходят на безальтернативной основе или в отсутствии партий. Наиболее одиозны случаи Северной Кореи, Лаоса, Кубы, где существует формальный запрет на оппозицию и где правящая партия официально остается единственной. Между тем в ряде откровенно авторитарных систем проводятся выборы на относительно конкурентной основе, но институт при этом используется «не по назначению», а для извлечения выгоды в виде сохранения власти (Gandhi 2008).

Классическая политическая теория предполагает, что выборы являются одним из ключевых элементов демократии и призваны в идеале канализировать политическое участие, артикулировать публичные интересы и способствовать политической стабилизации (Dahl 1971), а возможно, как полагает целый ряд исследователей, и демократизации (Roessler, Howard 2009; Lindberg 2009). При этом далеко не всегда выборы приводят к таким результатам. Как показывает политическая практика, выборы могут играть противоположную роль, порой подрывая устойчивость режима (Bunce, Wolchik 2009) и даже способствуя демонтажу элементов демократического политического порядка (Case 2006).